

Научная статья
УДК 141.319.8
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-5-233-242

ВОИНСКИЙ ЭТОС В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Александр Александрович Казаков¹, Сергей Сергеевич Черных^{2✉}

^{1,2}Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹kazak.platon82@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4885-4377,

AuthorID РИНЦ: 1128858, WoS Research ID: GVT-9627-2022

²s.s.chernykh@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-2019-5736, AuthorID РИНЦ: 745140,

AuthorID Scopus: 57201127260, WoS Research ID: ABF-4703-2020

Аннотация. Цель исследования заключается в дескрипции воинского этоса и выявлении тенденции его трансформации в условиях технологических инноваций.

Методологическую базу исследования представляют работы современных философов, изучающих проблемы влияния техники на антропологические практики, в том числе технологических инноваций в сфере ведения войны. В частности в статье были использованы работы зарубежных и отечественных авторов, посвященные активному использованию боевых беспилотников (дронов), проблемам «роботизации» войны, а также этическим следствиям, вытекающим из трансформации практик ведения войны.

Результаты исследования. Анализ научных материалов позволяет сделать вывод о том, что многие технологические инновации довольно быстро осваиваются вооруженными силами, превращаясь в привычные практики ведения войны. Несмотря на внедрение искусственного интеллекта и систем дистанционного боя, человеческий фактор, включающий в себя мотивацию солдат рисковать собственной жизнью, продолжает играть ключевую роль на поле современной войны. В статье отмечается, что воинский этос, культивируемый в российской армии, обладает консервативными установками, направленными на сохранение высокого морального облика солдата, не приемлющего практики террора в отношении мирного населения.

Перспективу исследования составляет дальнейший анализ тенденций сохранения воинского этоса в условиях внедрения в армию инновационных технологий и трансформации практик ведения войны.

Ключевые слова: воинский этос, боевые дроны, война в городах, этико-антропологические аспекты современной войны, гибридизация войны, роботизация войны, медийные аспекты ведения современной войны

Для цитирования: Казаков А. А., Черных С. С. Воинский этос в контексте влияния технологических инноваций: философско-антропологические аспекты // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 5. С. 233–242. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-233-242>.

Original article

MILITARY ETHOS IN THE CONTEXT OF THE IMPACT OF TECHNOLOGICAL INNOVATIONS: PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS

Alexander A. Kazakov¹, Sergey S. Chernykh²✉

^{1,2}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

¹kazak.platon82@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4885-4377,

AuthorID RSCI: 1128858, WoS Research ID: GVT-9627-2022

²s.s.chernykh@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-2019-5736, AuthorID RSCI: 745140,

AuthorID Scopus: 57201127260, WoS Research ID: ABF-4703-2020

Abstract. *The purpose of the research is to describe the military ethos and identify the trend of its transformation in the context of technological innovations.*

The methodological basis of the study is represented by the works of modern philosophers who study the problems of the influence of technology on anthropological practices, including technological innovations in the field of warfare. In particular, the article used the works of foreign and domestic authors devoted to the active use of combat drones (drones), the problems of «robotization» of war, as well as the ethical consequences arising from the transformation of warfare practices.

Research results. *The analysis of scientific materials allows us to conclude that many technological innovations are quickly mastered by the armed forces, turning into familiar practices of warfare. Despite the introduction of artificial intelligence and remote combat systems, the human factor, which includes the motivation of soldiers to risk their own lives, continues to play a key role on the field of modern warfare. The article notes that the military ethos cultivated in the Russian army has conservative attitudes aimed at maintaining the high moral character of a soldier who does not accept the practice of terror against the civilian population.*

The prospect of the research *is a further analysis of the trends in the preservation of military ethos in the context of the introduction of innovative technologies into the army and the transformation of warfare practices.*

Keywords: *military ethos, combat drones, urban warfare, ethical and anthropological aspects of modern warfare, hybridization of warfare, robotization of warfare, media aspects of modern warfare*

For citation: Kazakov A. A., Chernykh S. S. Military ethos in the context of the impact of technological innovations: philosophical and anthropological aspects // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(5): 233–242. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-233-242>.

Введение. Совершенствование и внедрение новых военных технологий — процесс, который проходит через историю всей человеческой цивилизации, а в определенные моменты круто меняет саму войну и социальные классы населения, задействованные в ней тем или иным способом. В процессе технологических инноваций меняются практики вой-

ны, в первую очередь данные изменения затрагивают их непосредственных участников, акторов боевых действий, то есть профессиональных военных, которые продолжают рисковать своей жизнью в экстремальных ситуациях. Тем не менее в последние годы многие исследователи пишут о процессе «роботизации» современной войны [6; 10; 3], способ-

ной приводить к трансформации самого воинского этоса путем качественного снижения рисков боевых потерь. Однако, изучаемый нами воинский этос продолжает оставаться консервативным гештальтом военной культуры, предполагающим готовность человека к встрече с собственной смертью, причем не только в результате длительной болезни, но и к внезапной смерти в расцвете лет и физических сил. Поэтому как бы ни развивались военные технологии, особенно связанные с применением самых разнообразных боевых дронов, многофункциональных роботов, а в отдаленной и наиболее фантастической перспективе — и «киборгов», события, происходящие на фронтах, демонстрируют нам, что живой человек продолжает оставаться практически незаменимым (по крайней мере, в обозримом горизонте) субъектом проведения наиболее эффективных военных операций, что в свою очередь неминуемо приводит к реальным потерям.

Этико-антропологические аспекты инновационной технологизации военного дела. В последние годы мы стали свидетелями феномена все большего делегирования человеческих функций машинам, что напрямую связано с инновациями, происходящими в наиболее передовых военных отраслях. Пожалуй, воинский этос испытывает прямое, а не косвенное, как в предшествующие исторические эпохи, воздействие институтов современной науки и техники, которые также берут на себя функции идеологии [9]. Начиная с раннего периода выделения воинского труда в отдельный вид антропологической деятельности, солдаты практически всегда пользовались разнообразной «техникой» (включая различные техники рукопашного боя), что, однако, не приводило к полнейшему делегированию этой самой техники функций военнослужащих. Тем более, это касается этической коллизии, связанной с передачей искусственному интеллекту функции принятия решений об уничтожении противника. Правда, в настоящее время подобные алгоритмы роботизированных систем еще довольно несовершенны, что, как показывает практика активного применения американцами боевых дронов, уже приводило к серьезным ошибкам в идентификации во-

енных целей [3]. Поэтому проблема внедрения в армию «умного оружия», способного в перспективе брать на себя ответственность в принятии решений, остается наиболее важной в плане своего воздействия на воинский этос и перспективы его развития в условиях роботизации современной войны.

Преимущество профессиональных армий Нового времени зиждилось на внедрении дисциплинарных практик, требовало особой технической работы с человеческим телом, которое само понималось сквозь призму механистических метафор. Здесь на первое место выдвигается не личная (главным образом рыцарская) доблесть, а военное слаживание, в рамках которого армия в своей целостности мыслится как боевая машина. Так, например, в своих рассуждениях о специфике армейской дисциплины французский философ М. Фуко отмечал: «Новое требование, обращенное к дисциплине: построить машину, действие которой будет максимально усилено благодаря согласованному сопряжению составляющих её элементарных деталей. Отныне дисциплина — не просто искусство распределения тел, извлечения из них времени и накопления этого времени, а искусство сложения сил в целях построения эффективной машины» [8, с. 200]. В данной связи солдат начинает подчиняться жесткой муштре, которая должна превратить его в максимально эффективный «винтик» целостного военного механизма, конституируя его как «гармоничную» часть «многоsegmentной машины» [8, с. 202]. Интересно, что в современных армиях одну из ключевых ролей играют специальные подразделения и диверсионные группы, чья боевая работа направлена на разрушение вражеской армии в качестве целостного механизма путем выведения из строя его ключевых деталей, напрямую связанных с обеспечением управления, питания, дисциплины, логистики и т.д.

Интересно, что усилившаяся «механизация» воинской культуры, включая внедрение различных дисциплинарных техник, выводит на повестку дня вопрос о частичной, а в дальнейшем и полной замене человека машиной, по крайней мере, непосредственно на поле боя. Конечно, в настоящее время даже самые оснащенные армии мира еще слишком далеки от реализации подобной

мечты, в которой все наиболее рискованные операции будут выполнять исключительно роботы, тем не менее данная футуристическая тема является довольно популярной в среде философов, изучающих проблему войн. Так, например, современный исследователь А. Д. Куманьков отмечает, что эффект, возникающий вследствие «замены человека с ружьем машинами, может быть ещё более значительным. Не приближаемся ли мы к реализации мечты о вечном мире, если позволим роботам сражаться за нас? Мы подошли к такому уровню развития технологий, когда созданное оружие не пугает своей разрушительной силой, как ядерная бомба, а удивляет простотой, “гуманностью”, низким уровнем рисков и затрат. Это можно было бы назвать идеальным оружием. Если война превратится в войну машин, мы будем избавлены от войны как бича человечества» [6, с. 158–159]. В данной связи можно выделить несколько причин, мешающих тотальной замене военнослужащего человека его роботизированным аналогом: во-первых, роботы еще слишком дорогие, чтобы повсеместно заменить привычного нам «человека с ружьем»; во-вторых, им не хватает оперативного интеллекта, особенно в сухопутном сражении; в-третьих, в качестве предположения можно высказать мысль о том, не блокируют ли роботы экзистенциальную потребность человека (вернее некоторых людей) в войне даже ценой разрушения и уничтожения себе подобных?

Тем не менее применение актуальных роботизированных систем и дронов, превратившихся в неотъемлемых помощников и управляемых участников современной войны, уже сейчас ставят перед исследователями целый ряд проблем этического характера, причем участники боевых действий в разной степени рискуют собственной жизнью. Пока сам дрон активно работает на передовой, его оператор может находиться на безопасном расстоянии от театра войны. Не случайно, например, в американской массовой культуре распространилось представление (насколько соответствующее действительности — другой вопрос) об операторе боевого дрона (как правило, имеющего лишний вес), который, находясь за тысячи километров от уничтожаемых целей, не отходя от пульта, перекусывает гамбургером. В данной связи Г. Шамаю

считает, что применение дронов опровергает «классическое определение Клаузевица, эта война больше не мыслится как дуэль по своей сути. Ее парадигма больше не предполагает двух противников, которые сталкиваются лицом к лицу. Речь идет совсем о другом, а именно о крадущемся охотнике и скрывающейся добыче» [10, с. 42], причем сам этот охотник значительно уступает жертве не только в этическом, но и в эстетическом плане. Основная проблема в данной связи, по мнению Г. Шамаю, заключается в том, что «с точки зрения традиционных ценностей убить при помощи дрона и оставить на месте врага мокрое место, не рискуя собственной шкурой, кажется запредельной трусостью и бесчестьем. Несоответствие технической реальности и кодекса поведения на войне с его остаточной идеологией приводит к серьезным противоречиям, в том числе в рядах вооруженных сил. Конфликт новых видов вооружения и старой гвардии, хотя и порядком поредевшей, но все еще принимающей решения, проявляется в кризисе военного этоса» [10, с. 112]. Вместе с тем современную войну уже нельзя представить без операторов боевых машин и самих дронов, которые качественно решают проблему гибели летчиков и попадания последних в плен.

В целом забота о сохранении жизни солдат всегда выходила на передний план воинского искусства, во все времена настоящие командиры стремились всячески избежать бессмысленных потерь. Даже «презрение к смерти», обнаруживаемое в классическом военном этосе, вовсе не подразумевает халатное отношение к собственной безопасности, а тем более отказ от сохранения жизни своих подчиненных. Тем не менее Г. Шамаю полагает, что специфичность изучаемой ситуации массового применения боевых дронов заключается в том, что «сохранение жизни собственных солдат преподносится государством как практически абсолютный императив, который в крайнем случае исключает всякое самопожертвование. Плохая армия подвергает риску жизни своих солдат, хорошая сохраняет их всеми доступными средствами. Стремление подвергать риску подлежит осуждению, ценится возможность убивать, не подвергаясь опасности» [10, с. 114]. Однако, подобная ситуация (тотального превосходства одних

войск над другими) может быть в принципе легко нивелирована распространением беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) по всему миру, когда большинство армий будет иметь их в достаточном количестве, а промышленность этих стран сможет производить ударные и разведывательные дроны в необходимом объеме.

Очевидно, что работа Г. Шамаю «Теория дрона» не свободна от явных преувеличений в сфере моральной ответственности. Складывается такое впечатление, что он фиксировался на реальных случаях, когда с американских ударных БПЛА по злему умыслу или по трагической ошибке в Афганистане и Ираке расстреливались свадебные церемонии или просто уничтожались мирные жители. «На наших глазах, — пишет автор, — происходит осознанный переход от одной официальной этики к другой, от этики самопожертвования и отваги к этике самосохранения и более-менее открыто признаваемой трусости. В этом великом процессе переоценки ценностей отныне следует поправить все, чему мы когда-то поклонялись, и превозносить то, к чему раньше относились с презрением. То, что раньше называлось трусостью, становится храбростью, то, что называлось убийством, становится сражением, а дух самопожертвования, обрекавший врага на верную смерть, вызывает лишь отвращение. Низость возводится в ранг величия» [10, с. 115]. Тем не менее мы видим, как на наших глазах происходит фетишизация самых последних образцов современной техники, без которой уже сейчас не могут обойтись боевые подразделения (например, разведчики, артиллеристы и т.д.). Конечно, существуют военные ситуации, когда оператор даже малого беспилотника вполне реально может почувствовать себя охотником, а своего противника представить в виде загнанной жертвы, но то же самое отчасти можно сказать, например, и о снайперах, отслеживающих и захватывающих врага в прицел своей винтовки на расстоянии до двух километров.

Таким образом, можно сделать вывод, что инновации в сфере военного дела в целом не способны привести к деструкции воинского этоса, в рамках которого культивируются традиционные армейские добродетели, такие как доблесть, храбрость, взаимопомощь

на поле боя и даже милосердие в отношении поверженных солдат противника. К тому же применительно к боевым задачам дрона решение о ликвидации именно военных целей принимает все-таки человек, хотя и опосредованный техникой, а возможно и в определенной степени «отчужденный» от предполагаемого противника. Вместе с тем вполне можно представить дуэль между операторами боевых БПЛА, ведущих бой с особой технической изощренностью современной войны.

Воинский этос в контексте трансформации практик ведения современной войны. Ведение войн во все времена выступало свидетельством трагичности человеческого существования, причем культура и религия в значительной степени были направлены на то, чтобы облагородить как саму войну, так и ее непосредственных участников. При этом нельзя забывать, что самые различные социальные институты в экстремальной обстановке могли быть переведены на военные рельсы. В результате войн всегда появлялись герои, люди, способные явить миру и соотечественникам примеры храбрости и мужества. Не секрет, что в периоды войн люди должны были проявлять когнитивные способности, прибегать к военным хитростям, создавать образцы самого передового оружия. Так, например, в данной связи Гегель считал, что из состояния войн «народы не только выходят укрепленными, но и нации, внутри которых существуют непримиримые антагонизмы, обретают внутреннее спокойствие благодаря внешним войнам. Война, правда, приносит с собою необеспеченность собственности, но эта *реальная* необеспеченность есть не что иное, как необходимое движение» [4, с. 276]. Таким образом, в период войны, несмотря на серьезные жертвы (а зачастую и благодаря им), внутри социума могла сформироваться прочная солидарность, объединяющая самые различные слои населения.

В XXI веке характер войны существенно изменился, не в последнюю очередь в связи с распространением различных террористических методов ее ведения. При этом многие военные преступники получили право на подобные действия со стороны руководс-

тва США и стран-сателлитов, закрывающих глаза на характер войн, происходящих за пределами так называемого западного мира. Довольно однобокое освещение войн также происходит со стороны международных организаций, декларирующих свою объективность в отношении всех без исключения воюющих сторон. В данной связи французский философ Э. Балибар отмечал, что изучаемый «процесс символически можно описать как возвращение гоббсовского “естественного состояния” (об этом сегодня кто только не говорит), но его можно также описать как распространение “терроризма” и “контртерроризма” за счёт традиционной войны, в которых привычные разграничения между военными и гражданскими, то есть *en passant*, основной критерий, определяющий применение “законов военного времени” и соответствие “справедливых войн” методам их ведения (*jus in bello*), больше не действуют» [2, с. 33]. Серьезные проблемы возникают с тем, что вполне регулярные армии активно прибегают к методам террористической борьбы, используя местных жителей, преимущественно находящихся в городах как живой щит. Вместе с тем в составе регулярных вооруженных сил активно действуют боевые подразделения с неопределенным или даже переходным (от банды к традиционному отделению) воинским статусом.

В современную эпоху существенно трансформируются ведущие субъекты насилия, ориентированные на протекание в условиях перманентных прокси-войн. К тому же подобные войны в значительной степени ведутся «по доверенности», когда наиболее развитые государства предпочитают воевать «чужими руками», тем самым снимая с себя всякую моральную ответственность, в том числе и за реальные военные преступления, совершаемые на территории «третьих» стран. Тем не менее зачастую сложность ведения подобных (гибридных) войн может по-прежнему падать на регулярные армии, вынужденные в значительной степени играть по официально установленным правилам. В данной связи можно согласиться с мнением отечественных исследователей о том, что «практики контроля насилия, созданные в предыдущую эпоху, уже не адекватны тем угрозам, которые создают процессы техни-

ческой и кибернетической революции, глобализации и регионализации, а также постсекуляризации. Они дают сбой на уровне государства по причине возникновения новых объектов и субъектов насилия (или иных, а не новых)» [1, с. 521]. В результате сложившаяся реальная боевая обстановка приводит к парадоксальной ситуации, когда масштабные военные операции одновременно принимают на себя черты антитеррористических действий, направленных на минимизацию потерь со стороны мирного населения воюющего противника.

Интересно, что в западной военной мысли стала популярна идея о необходимости в случаях возникновения крупномасштабного конфликта проведения боевых действий именно в городах. То есть, если противник приближается к крупному городу, то войска ни в коем случае не выходят из него, а устраивают оборону прямо в центре города, что позволяет использовать так называемое мирное население как «живой щит». Таким образом, города превращаются в базу, как для негосударственных военных формирований различного толка, так и для государственных вооруженных сил [5, с. 133]. Вместе с тем между находящимися в городских районах военными формированиями будет происходить диффузия, то есть первые приобретают черты последних, а последние — соответственно первых (так, например, армейские формирования могут вести войну с противником в гражданской одежде, притворяясь мирными жителями, когда необходимо). В данной связи можно согласиться с Д. Килкулленом, о том, что в подобных войнах мы наблюдаем «непостоянство участников и изменчивость методов конфликтов; гибридность, размытость угроз и запутанность; сложность и вложенность причин и следствий в конфликтах нового типа и сетей, которые в них участвуют» [5, с. 143]. Вместе с тем сами практики ведения войны в городских условиях практически в автоматическом режиме встраиваются в систему сопутствующей всем событиям информационной войны. В результате не только военные корреспонденты и специальные военные пропагандисты, но и обычные комбатанты могут являться источниками массовой информации и самых актуальных новостей с фронта.

Более важной в современной войне становится роль боевых дронов, которые во многом также переживают в настоящей момент восходящую медийную популярность. Так, например, активное освещение применения боевых беспилотников на фронте вселяет в население, поддерживающее свою армию, чувство дополнительной уверенности. Точное попадание ракеты в военную цель, снятое с беспилотника, обладает очевидной зрелищностью и серьезным медийным эффектом. Однако можно констатировать, что боевые дроны еще полностью не стали во многих армиях мира рутинными средствами ведения дистанционной войны, а поэтому все еще сохраняют интерес к себе как особого рода экзотические объекты. Тем не менее боевой дрон сохраняет практически полную зависимость от собственного оператора-человека. Современные исследователи усматривают наиболее существенное отличие между стаями роботов (дронов) и животными в том, что «рои роботов сконструированы, в то время как поведение роя в природе эволюционировало со временем. Рои в природе не имеют центрального оператора или “общую оперативную картину”. Стаи роботов, с другой стороны, в конечном счете работают по направлению, заданному человеком для выполнения конкретной задачи» [7, с. 28]. Внедрение вышеописанных военных инструментов в армию, несомненно, приводит к формированию инновационных практик ведения войны и тем самым влияет на серьезную профессиональную диверсификацию внутри самого воинского этоса.

Разделение военного труда приводит к появлению новых родов вооруженных сил, формируя особый тип операторов БПЛА, которые в определенном смысле занимают в современной армии достаточно привилегированное положение. При этом важно учитывать, что оператор боевого дрона способен, не отрываясь от выполнения своих прямых военных задач и обязанностей, участвовать в медийном освещении войны, создавая необходимую и наиболее выгодную картину для пропаганды. Несмотря на вполне очевидные преимущества, искусственный интеллект не способен выступать на поле боя в полностью автономном режиме. Пожалуй, искусственному интеллекту, несмотря

на скорость вычислений, фактически не хватает гибкости, особенно в ситуациях, требующих ответственного решения, сопряженного с этическим выбором. К тому же за пределами довольно узких сфер деятельности и при одновременном ослаблении контроля со стороны человека роботизированные системы оказываются малоэффективными, а фактически просто не способны определиться с выбором первостепенных военных целей и задач. В данной связи справедливо отмечается, что интеллект человека «очень устойчив к изменениям окружающей среды, а также способен адаптироваться и обрабатывать неоднозначные решения. Так что задачи, которые требуют творчества, будут неуместны для автономных систем. Лучшими когнитивными системами, следовательно, является ни человек, и ни машина по отдельности, но интеллект человека и машина, работающие вместе [7, с. 33], поэтому именно на пути более глубокого сотрудничества человека и машины будет происходить развитие воинского этоса, причем будут возрастать требования к технической оснащенности солдат будущего.

Таким образом, воинский этос, по крайней мере характерный для российской армии, в значительной степени сохраняет традиционные позиции, связанные не только с храбростью и проявлением военной доблести, но также с достойным отношением к пленным солдатам противника и к мирному населению, в то время как в ряде вооруженных формирований, находящихся под влиянием западных (преимущественно «пронатовских») доктрин ведения современной войны, происходит существенное разложение воинского этоса, во многом обусловленное непосредственным применением террористических практик ведения боевых действий. Помимо вышеотмеченных аспектов в результате дальнейшего внедрения в военное дело самых инновационных технологий (прежде всего связанных с ведением дистанционной войны) происходит дальнейшее «онаучивание» воинского этоса, продиктованное требованиями ко все прогрессирующей технической оснащенности профессионального военного, все чаще действующего в союзе с машиной и искусственным интеллектом. Отмечается, что также в связи с развитием

информационных технологий возрастают возможности самих участников боевых действий в медийном освещении событий, происходящих на фронте.

Заключение. В завершении представленной статьи можно сделать вывод о том, что этос современного воина, развиваясь в направлении большей технической оснащенности, в самых передовых отраслях военного дела в целом сохраняет черты, отвечающие за высокий моральный дух военного профессионала. Наличие воинского этоса подвергается наиболее острым испытаниям в период боевых действий, требующих от представителей регулярной армии взять на себя значительные риски, напрямую связанные с жизнью и здоровьем. В свете последних событий, мер, направленных на проведение специальной военной операции (СВО) на территории Украины, российские военные в целом смогли продемонстрировать этические качества и нормы поведения, сохранив достоинство в лучших традициях армии Российской империи и СССР, в первую очередь по отношению к пленным солдатам противника и мирному населению. Вместе с тем вооруженные силы основного противника, напротив, активно прибегали к террору в отношении мирного населения, а также были уличены в преступном и бесчеловечном отношении к военнопленным, что свидетельствует о соответствующем этико-антропологическом сдвиге, вызванном во многом осознанным размыванием основ классической воинской культуры. Таким образом, можно говорить о том, что воинский этос может существенно отличаться в зависимости от ценностей, культивируемых в той или иной армии. При этом важно отметить, что технологические инновации не могут радикальным образом изменить базисные этико-антропологические принципы ведения войны, поскольку искусственный интеллект и современные боевые роботизированные системы по-прежнему не способны принимать ключевые решения о ликвидации самых разнообразных военных целей, что практически полностью оставляет ответственность за ошибки и военные преступления в сфере человеческой активности. В значительной степени усиливаются тенденции, связанные с онаучиванием воинского этоса, направленные на дальнейшую интегра-

цию возможностей солдата в инновационные боевые системы, а также возрастает роль медийных аспектов современной войны. В статье отмечается, что внедрение дистанционных инструментов войны, в частности боевых дронов, не приводит к замещению или принципиальному сокращению человеческого фактора в планировании и реализации военных операций, а, следовательно, и не означает полную роботизацию современной войны. К тому же и сами используемые в боевых операциях БПЛА уже не являются эксклюзивными орудиями тотального превосходства представителей одних армий над другими, превратившись в инструменты повседневного ведения обоюдной войны.

Список источников

1. Артюх А.В., Борисовский А.В. «Новые войны» и проблема терроризма. Философско-антропологический анализ // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44. №3. С. 519–524.
2. Балибар Э. Что в войне? Политика как война, война как политика // Прогнозис. 2008. №4(16). С. 19–39.
3. Вахштайн В.С. Техника, или Обаяние прогресса. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 156 с.
4. Гегель. Философия права. М.: Юрайт, 2020. 292 с.
5. Килкуллен Д. Грядущая война в городах // Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. М.: Книжный мир, 2015. 416 с.
6. Куманьков А.Д. Война, или В плену насилия. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 164 с.
7. Савин Л.В. Вариант будущей войны: роение боевых роботов // Стратегическая стабильность. 2017. №1(78). С. 24–35.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2019. 416 с.
9. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007. 208 с.
10. Шамаю Г. Теория дрона. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2020. 280 с.

References

1. Artjuh A. V., Borisovskij A. V. «Novye vojny» i problema terrorizma. Filosofsko-antropologicheskij analiz [«New wars» and the problem of terrorism. Philosophical and anthropological analysis]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofija. Sociologija. Pravo* [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law]. 2019; 44(3): 519–524. (In Russ.).
2. Balibar Je. Chto v vojne? Politika kak vojna, vojna kak politika [What's in the war? Politics as war, war as politics]. *Prognosis* [Prognosis]. 2008; 4(16): 19–39. (In Russ.).
3. Vahshtajn V. S. Tehnika, ili Obajanie progressa [Technique, or the Charm of Progress]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2021. 156 p. (In Russ.).
4. Gegel'. Filosofija prava [Philosophy of Law]. Moscow: Jurajt, 2020. 292 p. (In Russ.).
5. Kilkullen D. Grjadushhaja vojna v gorodah [The coming war in the cities]. Mirovojna. Vse protiv vseh. Novejsšie koncepcii boevyh dejstvij anglosaksov [World War. All against all. The latest concepts of military operations of the Anglo-Saxons]. Moscow: Knizhnyj mir, 2015. 416 p. (In Russ.).
6. Kuman'kov A. D. Vojna, ili V plenu nasiliya [War, or in captivity of violence]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. 164 p. (In Russ.).
7. Savin L. V. Variant budushhej vojny: roenie boevyh robotov [Variant of the future war: swarming combat robots]. *Strategicheskaja stabil'nost'* [Strategic stability]. 2017; 1(78): 24–35. (In Russ.).
8. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tjur'my [To supervise and punish: The Birth of prison]. Moscow: Ad Marginem Press; Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh», 2019. 416 p. (In Russ.).
9. Habermas Ju. Tehnika i nauka kak «ideologija» [Technology and science as «ideology»]. Moscow: Praksis, 2007. 208 p. (In Russ.).
10. Shamaju G. Teorija drona [Drone Theory]. Moscow: Ad Marginem Press; Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh», 2020. 280 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.08.2022; одобрена после рецензирования 18.08.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted on 04.08.2022; approved after reviewing on 18.08.2022; accepted for publication on 16.09.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Казиков Александр Александрович — преподаватель кафедры войск связи военного учебного центра при Южно-Российском государственном политехническом университете (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Alexander A. Kazakov — Lecturer, Department of Signal Troops of the Military Training Center, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Черных Сергей Сергеевич — доктор философских наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Sergey S. Chernykh — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Казаков А. А. — методология исследования; подготовка материалов к публикации.

Черных С. С. — научное руководство; общая концепция исследования.

Contribution of the authors:

Kazakov A.A. — research methodology; preparation of materials for publication.

Chernykh S.S. — scientific guidance; general concept of research.